

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ

А. И. Ковалева

Сопоставительное исследование номинаций русского и белорусского языков с точки зрения их внутренней формы является необходимым для выявления их национально-культурных особенностей и делает возможным приблизиться к воссозданию национальных языковых картин мира.

В современной лингвистике понятие «внутренняя форма слова» (ВФ) интерпретируется крайне неоднозначно, что во многом определяется шириной его употребления [1, с. 5; 2, с. 59; 3, с. 28; 4, с. 175]. В нашей работе под ВФ слова мы будем понимать образ, положенный в основу мотивированной номинации, который на данном этапе развития языка осознается его носителями и отражает один из аспектов названной внеязыковой реалии. Отметим, что важнейший критерий внутренней формы – осознание ее носителями языка. Даже если говорящие не вполне точно представляют связь между признаком и реалией или находят несколько способов ее отразить, образ, осознаваемый благодаря морфемной структуре слова можно считать его ВФ (например, рус. *дремлик* – растение, которое вызывает дрему или само похоже на «дремлющий» объект).

Материалом данного исследования, проводившегося в направлении от русского языка к белорусскому, послужили имена существительные с различной ВФ из «Русско-белорусского словаря» НАН Беларуси [5]. Выбор данного материала обусловлен общекатегориальной семантикой предметности, свойственной существительному, которое в большей мере, чем другие грамматические классы слов, отображает чувственно осязаемый образ обозначаемого.

Тематическая классификация собранного материала сама по себе не может отразить национальные особенности сопоставляемых языков, однако количественное распределение слов с различной ВФ по тематическим группам свидетельствует, что в центре внимания человека чаще оказываются номинации из тематических групп «растения и животные» (33 %), «человек» (29 %) и «предметы быта» (17 %) проанализированных существительных. Тот факт, что слова данных тематических групп называют предметы, с которыми человек непосредственно взаимодействует ежедневно (или ранее взаимодействовал – о тематической группе «растения и животные»), говорит в пользу того, что именно у этих суще-

ствительных различается ВФ в русском и белорусском языках, поскольку, постоянно наблюдая данные объекты, человек мог увидеть их с различных сторон, т.е. более детально, и, как следствие, заложить в название данных существительных различные признаки.

Поскольку ВФ слова – явление структурно-семантического порядка, ее выявление сопровождается номинативным суждением [6], которое на смысловом уровне связывает номинацию и ее ВФ. Однако точно восстановить номинативное суждение при четко выраженной ВФ слова носители языка могут не всегда. Данное обстоятельство делает возможным провести классификацию слов по критерию большей или меньшей семантизации их ВФ.

Ядро данной категории составляют номинации, ВФ которых рождает в голове носителей языка четкое номинативное суждение (бел. *вячоркі* – ‘зборы вясковай моладзі для сумеснага баўлення часу па вечарах’; рус. *головастик* – ‘зародыш лягушки с большой головой’; рус. *пробочник* – ‘инструмент для вынимания пробок’).

К приядерной зоне относятся существительные, ВФ которых легко вычленяется носителями языка, а номинативное суждение формируется нечетко, поскольку говорящим неизвестно лексическое значение слова. Однако при осознании семантики слова носители языка в силах не только увидеть его ВФ, но и восстановить номинативное суждение: рус. *долгуша* (уст.) – ‘длинный экипаж’; рус. *прудовик* – ‘вид улиток, живущих около воды’; бел. *проламка* – ‘адтуліна, зробленая ў лёдзе вадасховішча’; бел. *валаснік* (бот.) – ‘тонкае разгалінаванне каранёў расліны’. Приядерная зона объединяет в основном существительные ограниченные по сфере употребления (устаревшая, профессиональная лексика) и номинации с метафорической ВФ.

Несколько далее от ядра располагаются номинации, оказывающиеся в ситуации, когда их ВФ ясно видна говорящим, однако связь между предметом и признаком ВФ может трактоваться путем различных номинативных суждений: рус. *льнянка* – ‘растение, имеющее листья, похожие на лен, или растение, произрастающие в местах, где много льна’; бел. *аўсянік* – ‘насякомае ці колеру аўса, ці якое жыве ў аўсе, ці якое з’яўляецца падчас красавання аўса’. Как видно из данных примеров, даже знание лексического значения слова не дает носителям языка возможности составить четкое номинативное суждение, содержащее ВФ слова. Данное явление связано не со сферой употребления лексики (как в предыдущем случае), а с таким экстралингвистическим фактором, как почти полное отсутствие данных реалий в поле зрения современного человека.

Еще далее от ядра находятся номинации, возводимые к ониму. В данном случае формально вычленяемая ВФ, выраженная личным именем, не может быть однозначно объяснена при помощи номинативного суждения. В русском языке это слова из тематической группы растения: *анютины глазки, вероника, василисник, маргаритка*, по отношению к которым в белорусском языке не наблюдается такой единодушный антропоцентризм: так, русский оним в белорусском языке может заменяться метафорическим наименованием человека (*анютины глазки – браткі*), ВФ может вскрывать признак «способ действия» (*василисник – пылюшнік*), «место» (*вероника – крынічник*), нет ВФ (*маргаритка – стакротка*).

На границе областей номинаций с четкой ВФ и номинаций без ВФ находятся так называемые «языковые нелогичности». Суть данного явления в том, что языковые знаки нарушают закономерности правильного логического мышления, т.е. формальная информация, передаваемая словом, не соответствует содержательной. В границах рассматриваемой нами темы «языковые нелогичности» связываются с внутренней формой номинаций, которая указывает на некий признак, который не имеет никакого отношения к называемому предмету, однако четко вычленяется на морфемном уровне. Очень показательна в этом плане русско-белорусская пара *ногтоеда – валасень*, которая именует кожное заболевание, состоящее в воспалении пальца под ногтем. Русская номинация смещает акцент с пальца на ноготь и ВФ этого слова представляет данное явление как заболевание ногтя. Белорусский язык идет еще дальше и выдвигает на первый план ВФ «волос», отнюдь не связанную с предметом номинации.

Таким образом, при классификации номинаций с учетом степени семантизации их ВФ можно выделить следующие группы:

- 1) ядро – номинации с четкой, структурно и семантически вычленяемой ВФ;
- 2) приядерная зона – номинации со структурно вычленяемой ВФ и нечетким номинативным суждением;
- 3) периферия, которая включает:
 - номинации со структурно вычленяемой ВФ и множественностью номинативных суждений;
 - номинации со структурно вычленяемой ВФ и невозможностью подобрать номинативное суждение;
 - номинации со структурно вычленяемой ВФ и номинативным суждением, которое противоречит реальности.

Количественное соотношение номинаций данных групп в обоих языках неодинаково. Так, для белорусского языка соотношение количества

номинаций ядра и приядерной зоны – 70 и 27 % соответственно, в русском – 76 и 22 % соответственно. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в границах нашего материала соотношение ВФ и лексического значения русских существительных более предсказуемо, чем белорусских. Это во многом связано с тем, что значительная часть существительных с различной ВФ относится к области семантически производных слов, количество которых в обоих языках неодинаково. В границах нашего материала в русском языке слова с метафорической ВФ составляют 34 % от общего количества номинаций, учитываемых при анализе, в белорусском таких номинаций 42 %. Таким образом, можно заключить, что в границах нашего материала ВФ белорусских номинаций в большей степени, чем русская, тяготеет к метафоричности.

Семантизация ВФ слова находит свое отражение в таких явлениях как межъязыковая гиперо-гипонимия (рус. *лепешка* – бел. *праснак* (пресная), *скавароднік* (поджаренная на сковороде), *дранік* (из картофеля) и межъязыковая стилистические различия одноденотатных лексем (*толстосум* – *багач*, *сорвиголова* – *гарэза*).

Таким образом, в данной работе мы пришли к следующим выводам:

1. Разделение номинаций с различной ВФ по степени семантизации на ядро и приядерную зону свидетельствует о том, что в границах нашего материала русский язык в большей мере, чем белорусский, тяготеет к четкому соотношению ВФ слова и его лексического значения, а белорусский – к метафоричности.

2. ВФ является одним из показателей гиперо-гипонимии и стилистической маркированности.

3. Несмотря на очевидное тождество семантики гетеролексов русского и белорусского языков, многосторонний анализ ВФ данных номинаций раскрывает глубинные различия в отражении объективной реальности разными языками.

Литература

1. Блинова О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2012. № 4 (20). С. 5–11.
2. Кияк Т. Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. 1983. №3. С. 58–61.
3. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц: количественные и качественные характеристики. Львов. 1988.
4. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. Москва, 1976.
5. Русско-белорусский словарь: В 3 т. / НАН РБ. Минск. 2012.
6. Снитко Е. С. Учение А. А. Потебни о внутренней форме слова и его судьба в современной лингвистике // Русское языкознание. 1991. № 22. С. 34–36.